

Багровый, как дорожка свежей крови, поезд полз между серыми холмами вересковых пустошей. Он выкашливал пар из трубы локомотива, скрипел и скрежетал, да и вообще выглядел так, будто вот-вот развалится, но, несмотря ни на что, упрямо пробирался все дальше и дальше на восток. Вагоны качались из стороны в сторону, колеса стучали по рельсам, угрюмо светились рыжие глаза-окна.

Туман вплотную подступал к поезду, и человеку впечатлительному могло бы показаться, что в нем проглядывают зыбкие очертания фигур в пальто и шляпах, а иной, кроме белесой бесформенной мглы, ничего бы там не увидел.

За одним из окон последнего вагона, в единственном купе во всем поезде, где не горел свет, виднелась чья-то голова. Голова эта прислонилась к стеклу, лицо было прикрыто темно-зеленой твидовой шляпой. Человек спал. Хотя спать ему оставалось недолго.

— Проснись... — едва слышно пролепетал тоненький птичий голос.

— Проснись... — вторил ему другой.

— Проснись... — подключился третий.

Черное одеяло, которым укрылся спящий человек, зашевелилось, и оказалось, что оно будто бы сплетено из угольных птичьих перьев, — да и не одеяло это было вовсе: человека в купе сплошь облепили черные птицы! Коготки царапали кожу сквозь одежду, тонкие острые клювики тыкали и кололи грудь, плечи, руки, и с каждым мгновением эти уколы становились все болезненнее. На костюме появились дыры, из пальто полезли нитки, а на рубашке, впитываясь в ткань, проступила кровь. Одна из птиц вонзила клювик между ребрами спящего человека. Он вздрогнул и заворочался, и тогда птицы начали тлеть и сворачиваться, распадаясь пылью, как засыхающие опавшие листья. Черное одеяло исчезло, словно его никогда и не было, но голоса продолжали звучать:

— Проснись, проснись, проснись... Проснись!

Шепот превратился в пронзительный крик, колеса вагона ударились о стык между рельсами, вагон трянуло, и Виктор Кэндл очнулся.

Он убрал шляпу с лица, потер заспанные глаза и сел ровно. Зевнув в кулак, Виктор легонько помассировал онемевшую от неудобной позы шею.

В купе было холодно и темно: керосиновая лампа на откидном столике потухла. За окном туман затянул собой все видимое пространство, и Виктору показалось, что, пока он спал, мир за пределами поезда исчез. Временами вдалеке вспыхивали и сразу же гасли огни, словно пустоши подмигивали не до конца проснувшемуся пассажиру, — это были то ли семафоры на параллельной ветке железной дороги, то ли просто фонари рабочих с болот, то ли...

Виктор вдруг почувствовал шевеление напротив и повернул голову — то, что он увидел, заставило его проснуться окончательно...

Птицы из его полузабытого, рваного сна марки «Сидячий дорожный сон» не остались где-то там, в вотчине дремы, а перебрались следом за ним в купе. Всего птиц этих было

около двух дюжин — они раскачивались на скрипучих жердочках в небольших клетках и, судя по всему, принадлежали пожилой даме, сидевшей рядом с ними. Дама глядела в окно и шепотом пересчитывала вспыхивающие в тумане огни на пустошах.

Выглядела попутчица довольно причудливо. Она куталась в серую шерстяную шаль, настолько длинную и кашлатую, что благодаря ей напоминала огромный сгорбленный ком пыли. На крючковатом носу старухи сидели очки с толстыми стеклами, из-за которых ее глаза казались просто громадными, но самым странным в попутчице была дряхлая остроко-нечная, с мятыми полями шляпа, какие не носят уж лет этак двести.

Виктор нескромно устался на шляпу и ее хозяйку, пытаясь понять, откуда они здесь взялись, ведь он точно помнил, что перед тем, как заснул, он был в купе один — только он и его страхи, присыпанные, будто кофе корицей, тревожными догадками о ближайшем будущем, о прибытии и о людях, которых он давно не видел.

Когда же старуха здесь появилась?

Виктора вдруг посетила странная мысль, что попутчица уселась напротив буквально за одно мгновение до того, как он проснулся. А перед этим просочилась в вагон сквозь какую-то щель в виде клока тумана. Или — попытался он умерить воображение — все обстояло намного прозаичнее, и она просто пересела из другого купе.

Виктор снова зевнул.

— Здравствуйте, — поздоровалась попутчица, оторвавшись от созерцания туманных холмов. Голос ее был густым и вязким, как мед в горшочке.

— Здравствуйте, мэ. Вы не будете против, если я зажгу лампу?

Положив шляпу на столик, Виктор потянулся к карману за спичками, но попутчица покачала головой.

— О, я была бы против, — дама кивнула на свои клетки. — Мои любимцы не слишком жалуют яркий свет. У них, понимаете ли, очень чувствительные глаза...

— Это кто у вас? — вежливости ради поинтересовался Виктор. — Дрозды? Хотя они больше похожи на маленьких воронов...

— О! Ни те и ни другие, молодой человек! — дама внезапно обрадовалась: очевидно, питомцы являлись ее излюбленной темой для разговора. Она всем телом повернулась к клеткам и склонилась над ними, едва не задев прутья стеклами очков. — Это черные катарки — редчайшие и красивейшие птицы! Помимо меня, в Англии их разводит лишь сэр Макторкок из Лэк-Эдина, что на границе с Шотландией.

Виктор взгляделся в птиц. То, что черные катарки редкие, он допускал, поскольку никогда о них прежде не слышал, но вот по поводу их красоты он бы поспорил: обладатели тонких клювиков и матовых глаз выглядели, как застывшие сгустки смолы.

— Значит, вы их разводите...

— Да, а потом нахожу для них новые домики. Мои малыши нуждаются в заботе и уходе... — Тут попутчица оторвала взгляд от птиц и вонзила его в Виктора. — Прошу простить мою неучтивость. Юджиния Хэтти... Мисс Юджиния Хэтти.

— Виктор Кэндл, — представился Виктор.

— Едете в Уэлихолн? В отпуск или по работе?

«Лучше бы она продолжала нахваливать своих птичек», — подумал Виктор. Он не слишком-то любил откровенничать с первыми встречными, но закон вежливости, к его большому сожалению, никто не отменял. Парадоксальный закон вежливости... В свое время он не помешал Виктору устроить скандал — по сути, сбежать из дома и уехать в столицу без материнского благословения, — но при этом сейчас обязывал отвечать какой-то незнакомой старухе.

— Еду домой. К празднику.

— К празднику? — недоуменно подняла брови мисс Хэтти, а потом улыбнулась: — А, Канун! Ну конечно!

— А вы? — спросил Виктор, хотя, по правде, ему не было дела: сейчас все его мысли занимало другое. Стоило удивлению от неожиданного возникновения попутчицы отступить, как к нему вернулись его прежние страхи. Скоро он придет домой. Скоро он увидит Ее. Интересно, Она ему что-то скажет? Или молча вышвырнет за порог?

— А я... — мисс Хэтти глядела в пустоту перед собой. Она также сейчас находилась мыслями где-то далеко. — Меня позвали... Я не была в Уэлихолне много-много лет и еще столько же не появлялась бы, но подарочки... да, подарочки, которыми они меня заманили, стоят поездки. Стоят того, чтобы я собрала свою любимую ковровую сумку и своих малышей в дорогу.

«Странный ответ», — подумал Виктор — зловещие нотки в голосе этой чудаковатой женщины пробудили в нем неясную тревогу. Что-то с ней все же было не так...

— Я еду повидать внуков, — добавила мисс Хэтти, и Виктор про себя усмехнулся собственной мнительности. — Давно не видела маленьких негодников — совсем забыли старую.

Виктор поглядел в окно — все те же туманные холмы, все те же огни, что порой на них вспыхивают...

Мисс Хэтти продолжила рассказывать о своих внуках, но он ее не слушал. Виктор думал о том, что его ждет, гадал, не совершил ли ошибку, и спрашивал себя: «Зачем... ну зачем ты едешь домой?» Сердце настойчиво твердило: «Ничего хорошего тебя там не ждет».

Семь прошлых лет он отправлял открытки к праздникам, и этого всегда хватало. Из дома приходили пространные и душевные, чем-то напоминающие выдержки из личного дневника письма сестры, яркие и пестрые самодельные открытки младших членов семьи и добродушные, беззаботные,

подчас анекдотичные послания дядюшки. Еще были письма от отца, в которых между строк проглядывала неизбывная тоска: когда Виктор читал отцовские письма, его не покидало ощущение, что он вовсе не держит в руках покрытый чернилами лист бумаги, а стоит перед распахнутым в холодное утро окном...

Ему писали почти все, только Она — никогда.

В этом году Виктор, как обычно, домой не собирался — у него было много работы, близился праздник, тем более господин редактор требовал осветить шумиху вокруг Хэллоуинского Дерева, которое неизвестно откуда появилось вдруг ночью в Гринвичском парке. Виктору не терпелось увидеть все своими глазами — еще бы, ведь на этом дереве росли... тыквы.

Он влез в пальто, подхватил саквояж с фотоаппаратом и портативным фонографом; шляпа заняла положенное ей место на растрепанных рыжих волосах. Наматывая на шею шарф, он уже повернулся было к выходу, когда... в щель для писем в двери протиснулся коричневый конверт. Падению конверта на круглый зеленый коврик сопутствовали бой дедушкиных часов в гостиной и грохот взволнованного сердца.

Виктор застыл в нелепой позе, будто персонаж на фотографии, выхваченный из жизни в момент пляски с шарфом. Он не спешил брать конверт, поскольку уже знал, откуда именно тот пришел, а еще его посетило неприятное предчувствие: кажется, Хэллоуинскому Дереву в Гринвичском парке не доведется сегодня раскрыть ему свои тайны.

Виктор пришел в себя, нагнулся и подобрал конверт.

Получатель:

«Мр. Виктор Кэндл, Роудвуд-парк, 34, Лондон, Соединенное Королевство».

Отправитель:

«Мисс Бетти Сайзмор, Крик-Холл, Уэлихолн, графство Эссекс, Соединенное Королевство».

Все верно, письмо из дома. Но кто такая эта Бетти Сайзмор?

Пальцы Виктора дрожали, когда он вскрывал конверт и разворачивал письмо. С одной стороны, его одолевало любопытство, но с другой, ему совсем не хотелось узнавать, что внутри... Любопытство взяло верх, и он словно откинул крышку колодца, которым лет семьдесят не пользовались: из письма тянуло затхлостью, сыростью и... опасностью. Оно было чертовски странным, это письмо. Почерк был незнаком.

«Дорогой Виктор!

Я догадываюсь, какой ворох чувств вызвал у тебя указанный на конверте адрес отправителя и какое недоумение — стоящее там имя. Поэтому сперва хочу признаться: Бетти Сайзмор не существует — я выдумала ее, поскольку не могу выдать себя, если письмо попадет не в те руки...

Я пишу тебе с просьбой — нет, с мольбой! — о помощи, ведь, кроме тебя, я больше никому не могу доверять. Любой из тех, кто здесь живет, может участвовать в том, что грядет...

Ты должен приехать как можно скорее! В Крик-Холле что-то затевается... На праздник приглашены опасные и безжалостные личности, и вскоре дом будет многолюден как никогда. Некто по имени Иероним... Он уже здесь, хотя все отрицают это. Он бродит среди нас, но все делают вид, что его нет.

Это письмо, я полагаю, застало тебя врасплох, тебя переполняют сомнения, но, к сожалению, я не могу раскрыть в нем всего (не те руки близости!). Когда ты переступишь порог дома, ты сам все поймешь!

Прошу, поверь: все это не розыгрыш и не уловка, чтобы заманить тебя в Уэлихолн. Если ты не откликнешься, то

надеяться мне больше не на кого. Поспеши! Будь осторожен и, молю тебя, внемли!

Р. С. Когда приедешь домой, никому не говори о письме. Помни: Иероним!»

Подпись отсутствовала — лишь внизу было выведено: «Крик-Холл». К письму прилагался билет на поезд. И... все. Подлинная загадка, загаданная в нескольких чернильных строках.

Виктор несколько раз перечитал письмо, но ничего так и не прояснилось. Что все это значит? Кто на самом деле скрывается под псевдонимом «Бетти Сайзмор»? В чем именно могут участвовать обитатели дома? Что грядет? И еще Иероним этот странный...

Несмотря на любопытство, он не собирался делать то, что просил неизвестный отправитель... не собирался, а затем словно какая-то незримая сила заставила его забыть обо всем, о чем он думал перед тем, как открыл конверт, и вспомнить о жизни, которую он называл кратко «То, вчера», всегда предпочитая сменить тему, когда кто-то о ней заговаривал. Эта незримая сила толкнула его в спину, буквально вышвырнув за порог лондонской квартиры, и понесла напрямик на вокзал. Вот так он и оказался в этом поезде, в этом вагоне, в этом самом купе...

Дверь купе неожиданно открылась. Ее стук оторвал Виктора от тяжелых мыслей, а мисс Хэтти — от рассказа о весьма посредственных достижениях ее неинтересных внуков. На пороге стоял высокий человек в длинном сером пальто и шляпе. Руки мужчины безвольно повисли вдоль туловища, он ссутулил плечи и выдвинул вперед шею. На бледном лице читалась смертельная усталость.

Незнакомец принес с собой холод. Сквозняк прошелся по ногам Виктора, и ему стало зябко. На коже выступили

мурашки, изо рта при дыхании начал подниматься пар: должно быть, кто-то из пассажиров открыл окно в конце вагона, а проводник и не заметил.

С появлением мужчины в пальто птицы мисс Хэтти начали вести себя странно — в них словно что-то вселилось: пернатые принялись прыгать и мельтешить по своим клеткам, оббивая крылья о прутья.

— Гвинн... — проговорил незнакомец заунывно, будто зевая. — Гвинн Моулинг. Вы знаете ее?

— Э-э-э... Нет, простите, — непонимающе ответил Виктор и поглядел на мисс Хэтти. Птичница пристально смотрела на незваного гостя.

А тот будто бы и не услышал ответа.

— Моя милая Гвинн... — со стоном продолжал он. — Она была несчастна и сделала то, что сделала. Я не виню ее. Но... Гвинн, моя милая Гвинн... Как же я хочу тебя увидеть вновь.

Сложившаяся ситуация показалась Виктору крайне нелепой.

— Простите, мы не знаем Гвинн, — сказал он твердо. Таким тоном он обычно разговаривал с назойливыми коммивояжерами. — Будьте добры, закройте дверь. Здесь настоящий сквозняк. Холодно!

Мужчина в пальто не ответил. Он просто повернулся и пошагал по проходу прочь.

— Эй!

Виктор резко поднялся на ноги; задетая им шляпа упала со столика на пол. Подойдя к двери, он выглянул в проход. Там никого не было. Мужчина, спрашивавший о Гвинн, вероятно, зашел в соседнее купе. Виктор раздраженно поморщился и затворил дверь. А затем вернулся на свое место у окна.

— Ваша шляпа, молодой человек. — Попутчица услужливо протянула Виктору его головной убор.

— Благодарю. — Взяв шляпу, он кивнул на закрытую дверь. — Странно, правда?

— Не вижу ничего странного. Они все возвращаются домой...

Ее ответ лишь усугубил абсурдность происходящего.

— Кто «они»?

— Те, кто покинул дом.

— Да уж... — пробормотал Виктор и подумал: «Спрашивается, и почему нельзя говорить по-человечески, как в Лондоне? Вот она, неумолимо приближающаяся чертова родная провинция с ее чудаками».

— Вы не знаете, сколько еще осталось до Уэлихолна? — спросил он, сомневаясь, что получит внятный ответ.

— Станция Уэлихолн будет через четыре часа тридцать восемь минут, — не задумываясь ни на мгновение, ответила мисс Хэтти. Должно быть, у нее где-то под шалью тикал идеально точный хронометр или она просто сказала первое, что пришло ей в голову. Виктор не стал вдаваться в подробности.

— Тогда вы не против, если я посплю где-то... м-м-м... четыре часа тридцать пять минут?

— Как я могу быть против вашего сна? — попутчица прищурилась. — Но вы должны помнить, что сон в пути опасен.

— Чем же? — удивился Виктор.

— Вы полагаете, что просто засыпаете и едете себе дальше, а потом просыпаетесь, и жизнь продолжается как ни в чем не бывало, так? А вот и нет! Не понимаете? Пока вы спите, произойти может всякое. К примеру, поезд свернет куда-то не туда и вы прибудете в такое место, о котором лучше даже не задумываться. Или еще хуже: быть может, вы никогда так и не проснетесь, а вместо вас на вашей станции, прикидываясь вами, сойдет кто-то другой. Пока подлинный вы где-то там — потеряны в темном купе какого-то поезда в пустошах... — Мисс Хэтти поправила очки и вдруг

рассмеялась. — О, не смотрите так — да я же шучу, разумеется... А если серьезно, то все же стоит порой быть чуточку менее беспечным: вы не можете знать, кто зайдет в ваше купе, пока вы спите, кто сядет напротив и какая встреча не значит ничего, а какая значит... что-то.

Виктор кивнул, непонятно с чем соглашаясь. После чего вновь надвинул шляпу на лицо и закрыл глаза. И хоть он не доверял этой явно сумасшедшей женщине (она запросто могла что-то украсть или вытворить еще какую-нибудь пакость), его успокоил следующий мрачный вывод: «Вряд ли со мной сейчас может случиться что-нибудь хуже возвращения домой, которое вскоре меня ожидает. И может быть, даже лучше, если поезд свернет не туда или вместо меня на станции сойдет кто-то другой. И тогда кто-то другой вместо меня придет домой. И все, что намечается, свалится на него...»

С этой логичной мыслью он и заснул.

Поезд качнулся и встал. Виктор тоже качнулся и стукнулся головой о стекло. Шляпа слетела с макушки и упала на лампу, будто на специально предназначенную для нее подставку.

— Уэлихолн! — за окном раздавался трубный, как гудок паровоза, голос встречающего пассажиров станционного смотрителя. — Уэлихолн!

Виктор оглядел купе — никого... Пустое сиденье напротив выглядело тоскливо и даже несколько угрюмо. Не было ни намека на то, что там вообще кто-то недавно находился: пернатый или же в очках и нелепой остроконечной шляпе.

Виктор похлопал себя по карманам, после чего проверил замки на саквояже. Похоже, птичница все же была не из тех, кто обирает сонно-доверчивых попутчиков: и бумажник, и билет, а также — он удостоверился отдельно — письмо от Бетти Сайзмор никуда не делись.

Виктор вдруг поймал себя на том, что уже в пятый раз открывает и закрывает защелки на саквояже. Ему совершенно не хотелось надевать пальто и обматывать шею этим удрушающим шарфом. Не хотелось вставать и куда-то идти...

Мимо окна прошел станционный смотритель в шинели и фуражке. В руке он держал колокол, заливающийся, как кот, которому прищемили дверью хвост. Гаркнув очередное «Уэлихолн», служащий вокзала привел Виктора в чувство.

«Неизбежное, как говорит шеф, неизбежно, — подумал он, — поэтому или ты выпустишь тираж, или тебя сдадут в тираж — третьего не дано. Так что отрывай задницу от сиденья, Кэндл, и вперед».

— Вперед, — поморщился Виктор с презрением к самому себе и своей нерешительности.

Он поднялся рывком, будто бы отклеивая себя от сиденья. Мгновение — на пуговицы пиджака. Мгновение — на пальто. Шарф — спиралью вокруг шеи. Переместить шляпу с лампы на макушку, не забыть саквояж...

Виктор сошел с подножки на мощенный плиткой перрон и погрузился в утренний туман и паровозный пар. Он мгновенно утонул в толпе отправляющихся, встречающих, носильщиков с их вездесущими тележками и продавцов с их не менее вездесущими переносными лотками. И вдруг в этом шевелящемся в серых клубах многоголовом, многоногим и многочелюстным существом Виктор Кэндл увидел это лицо.

Было видно, что она заготовила совершенно иную реакцию — быть может, даже холодность, строгость и едкую обиду, — но стоило им встретиться взглядом, как на ее губах сразу же расплылась широкая улыбка, и Виктор вспомнил, почему в детстве называл ее лягушонком.

Правда, сейчас она мало чем напоминала ту костлявую, несуразную одиннадцатилетнюю девчонку, которую он

оставил здесь семь лет назад. Перед ним стояла красивая девушка в узеньком бордовом пальтишке. Волосы цвета воронова крыла торчали длинными прядями-перьями из-под красной вязаной шапки. Больше Виктор ничего разглядеть не успел...

— Вик!

Она бросилась ему на шею с такой порывистостью, какая возникает лишь в последний момент и которую нельзя запланировать заранее.

Виктору стало неловко.

— Здравствуй, кроха Крис, — пробормотал он в ухо сестре — или, точнее, в прядь черных волос, закрывающих это ухо. — Я тоже очень рад тебя видеть, но обниматься с дорожной сумкой в руке, знаешь ли, не очень удобно.

Кристина Кэндл отстранилась и снова сделала «лягушонка».

— Занудой был — занудой и остался. А я-то думала, университет и Лондон тебя изменили!

— Боюсь, это им оказалось не под силу.

Люди вокруг толкались. Туфли ступали по ногам Виктора, чемоданы бились окованными углами в его бока. Порой кто-то бурчал «извините», но чаще пассажиры даже не замечали причиненных ими неудобств. На станции было слишком людно для такого маленького города, как Уэлихолн, и в основном перрон заполонили прибывшие. Виктор решил, что, как и он, они приехали к празднику, который только здесь, кажется, и умеют отмечать.

Сестра рассматривала его не моргая. Виктор потупил взгляд: он не мог долго смотреть в эти беспросветно черные глаза — такие же глаза, как у Нее.

— Ладно, пошли скорее отсюда.

Кристина подхватила тяжеленный саквояж брата и с позанной легкостью потащила его прочь с перрона, мимо выплевывающих последних пассажиров вагонов, больших часов

и билетных касс. Виктор следовал за сестрой, как собачонка на поводке, и они уже почти покинули здание вокзала, когда вдруг кое-что привлекло его внимание.

На одной из скамеек зала ожидания он заметил знакомую фигуру. Виктор мог бы поклясться, что видел остроконечную шляпу и блеснувшие площадки очков, но стоило между ним и бывшей попутчицей пройти какому-то торопящемуся пассажиру, как на том месте, где она только что вроде находилась, никого не оказалось.

— Эй! — раздался сопровождаемый шелчком пальцев возглас от дверей. Это Кристина пыталась привлечь его внимание. — Я понимаю, что ты домой не торопишься, но у меня еще дела в городе — нужно по дороге заехать за Крендельком.

— Твой ухажер? — невесело усмехнулся Виктор, подойдя к сестре. Вслед за ней он протиснулся через старую вращающуюся дверь. — Ты называешь его Кренделек? Как омерзительно мило...

— Ха! Можно сказать, ухажер — хлопот от него не меньше! — Кристина звонко рассмеялась. — Крендельком его называю только я. За то, что он ворует крендельки из блюда в гостиной. Вообще, он любит, когда его величают Коннелли, — он у нас птица тщеславная. Сейчас Кренделек у ветеринара — какая-то напасть с глазами. Отдали позавчера. Сегодня не только ты возвращаешься домой.

— Ты что, завела канарейку?

Округлившиеся глаза сестры можно было использовать в качестве двух печатей под документом, заверяющим, что Виктор — болван.

— Почему канарейку? Коннелли — кот!

— Ну ты что-то говорила о тщеславной птице, я и подумал...

— Это же фигура речи! А вы ведь у нас репортер, мистер Кэндл, — вам ли не знать таких вещей! Канарейка, хм...

— Отстань. — Виктор насутился. Он не виноват в том, что сейчас почти не соображает и будто бы плывет по ветру, как один из этих влажных туманных клочьев, в ожидании, пока его не принесет к порогу, который он с радостью обошел бы стороной.

Кристина снова шелкнула пальцами — судя по всему, это была ее новая вредная привычка. Раньше, как он помнил, она то и дело чесала нос, причем всей пятерней, что выглядело жутковато.

— Помнишь «Драндулет»? — спросила сестра с улыбкой, ткнув пальцем в громадину, которая стояла у входа в здание вокзала.

Виктор застыл. Это был он...

«Драндулет» на самом деле был стареньким двухдверным «Фордом» модели «А». Бордовая краска облупилась, радиатор, напоминающий кривой оскал, насквозь проржавел, две круглые фары на покатых передних крыльях походили на усталые глаза хронического больного.

На этой машине Бэзил, покойный дворецкий Кэндлов, отвозил их с сестрой в школу, после чего заезжал на рынок и в лавки, забирал почту, встречал на вокзале деловых партнеров отца и доставлял их на свечную фабрику Кэндлов, а затем вновь ехал в школу, но уже чтобы забрать детей семейства.

Годы прошли. Бэзил умер. Семейное предприятие зачахло, и на кованые ворота фабрики повесили огромный замок. Детей начали возить на школьном автобусе, а «Драндулет» остался стоять в гараже, и после смерти Бэзила его никто не мог завести. Странно, что Кристине удалось заставить эту железяку двигаться.

Сестра затащила сумку Виктора на заднее сиденье «Драндулета», села за руль и отворила для брата дверь.

— Ну, чего ждешь? — спросила она. Кристина всегда была непоседливой и нетерпеливой — что ж, это не изменилось.

Виктор, задумчивый и преисполненный угрюмых воспоминаний, ступил на подножку и сел в салон. Дверь захлопнулась за ним сама собой. Не успел он этому удивиться, как машина дернулась и, скрежеща, сорвалась с места...

«Драндулет» трясло и качало на ухабистой мостовой.

Виктор молча глядел в окно.

Улочки, по которым они ехали, были туманно-серыми и неприятно-знакомыми. Все здесь о чем-то напоминало. Вот в этой пекарне он подрабатывал после школы: таскал мешки с мукой, топил печи и следил за противнями. По этой улице за ним гнались мальчишки, любившие поиздеваться над «хилым сыночком» тогда еще «богатеньких» Кэндлов. В той подворотне он от них прятался. А у мясной лавки мистера Брекли его таки отыскали. Ох и крепко тогда досталось... Вот в этом темно-зеленом газетном киоске на углу работал когда-то мистер Кинни, который зачитывал прохожим утренние новости, добавляя от себя жуткие и животрепещущие подробности. Обычно его не слушали — либо игнорировали, либо потешались над ним: сумасшедшим был этот мистер Кинни...

Улица за улицей... «Драндулет» катил будто бы вовсе не по городу, а по страницам памяти и снов, по выцветшим фотографиям, запечатлевшим то, что все так любят называть этим тоскливым словом «прошлое»...

Виктор спрятал руки в карманы пальто, чтобы сестра не заметила, как они дрожат. Впрочем, он мог этого и не делать — она беззаботно болтала и ни на что не обращала внимания.

Кристина не замолкала ни на минуту с того самого момента, как они сели в машину: она с восторгом жаловалась на родственников и соседей, с не меньшим восторгом рассказывала о парне с Можжевеловой улицы, который продает розы в лавке своей матери, говорила о своей скучной работе

в библиотеке и о подругах Дороти и Эбигейл, которые «ну точно тебе понравятся, Вик!».

Виктор почти ее не слушал — он глядел на ржавые фонарные столбы, на облетевшие деревья и вороньи гнезда в их ветвях. В этих скверах они когда-то гуляли с Сашей и думали, что все у них будет хорошо, что они навсегда останутся такими — счастливыми и любящими друг друга. По этим тротуарам они когда-то с ней ходили, обнявшись. В этих кафе они сидели, потягивали кофе и целовались.

Саша... самый бледный и хрупкий из всех призраков прошлого, которых он пытался забыть. Саша... именно из-за нее он бросил все и сбежал, прикрываясь неумемным желанием учиться и работать в большом городе, в самой столице! Но к сожалению, легче не стало, и, по сути, он лишь сменил парки с тихими аллеями и древними деревьями Уэлихолна на свинец Темзы и ледяную брусчатку Лондона. Грызущую днями и ночами тоску, чувство утраты и разбитое сердце не излечить переменной обстановки. Кто бы. Что. Ни говорил.

Виктор поглядел на сестру. Она совсем на него не похожа. Такие люди просто не умеют унывать: эмоциональные, яркие и обжигающие, как огонек свечи, они скорее сожгут полгорода, чем позволят кому бы то ни было вогнать себя в меланхолию.

Что может больше сказать о человеке, чем его профиль? Что ж, профиль Кристины был таким же болтуном, как и она сама, — он говорил о многом... Нос со слегка вздернутым кончиком, изогнутая, будто в вечном изумлении, бровь, прищуренный глаз и слегка опущенный уголок губы. Много задора и немного коварства, непреклонная, по-детски непримиримая — вот какой была Кристина Кэндл. Даже матери она, помнится, устраивала «веселые» деньки — единственная, кто смел сказать ей слово поперек.

— ...И ты совершенно его не узнаешь, — продолжала щебетать Кристина, словно находясь в совсем ином временном потоке. — Он повсюду бродит в этом нелепом халате и носит с собой бумажник, полный носовых платков. Вот смех-то...

— Как ты узнала, что я приеду? — спросил Виктор.

Вопрос был вроде как совершенно обычным — простое любопытство без какой-либо подоплеки. Якобы. Но Кристина вдруг замолчала и нервно посмотрела на него, после чего вновь переключила внимание на туманную улочку, по которой ехал «Драндулет».

— Что? — спросила она дрогнувшим голосом. — О чем ты?

«Быть может, таинственная Бетти Сайзмор — это Кристина?» — предположил Виктор, глядя на сестру.

— Ну я ведь не писал, что приеду, — с деланным безразличием сказал он. — Думал еще, что буду добираться до Крик-Холла битый час. Схожу с поезда, а тут ты...

Услышав объяснение брата, Кристина заметно успокоилась.

— Дядюшка Джозеф сказал. Шепнул сегодня за завтраком: «Приедет Виктор. Первым утренним поездом. Тринадцатый вагон. Встреть его. Только никому не говори». У-у-у... — протянула сестра, сложив губы трубочкой, после чего рассмеялась. — Какие мы скрытные! Хотя... — Кристина вдруг помрачнела, и Виктор понял: «Подумала о Ней», — я прекрасно понимаю, почему ты никому не сообщил о своем приезде.

«Значит, дядюшка Джозеф знал, что я приеду, — нахмурился Виктор. — Неужели письмо было от него и это он подписался “Бетти Сайзмор”? Странность какая. Да и на него это совсем не похоже... он ведь такой веселый, такой беззаботный, от него никогда не стоило ничего ожидать...»

— Признайся, — сказал Виктор, — отчего ты занервничала, когда я спросил тебя о встрече?

Кристина бросила на него очередной короткий взгляд. На этот раз Виктор успел прочесть в нем смущение.

— Ладно. Только никому ни слова. Особенно... сам знаешь кому. Она будет в ярости, если узнает, что я ездила на Можжевеловую улицу.

— Как мой приезд связан с Можжевеловой улицей? — непонимающе уставился на Кристину Виктор.

— Я едва не проворонила твой поезд, потому что... ну... Тот парень из цветочной лавки с Можжевеловой улицы, о котором я рассказывала. Я заехала в эту лавку купить цветок — ну, ты понимаешь, — перед тем как встретить тебя, и едва не опоздала на вокзал, а его мамаша — та еще пиявка: «Мы Кэндлам цветов не продаем...» Ой-ой-ой, тоже мне, как будто мне есть дело до ее...

Виктор больше не слушал и вновь уставился в окно.

«Драндулет» вынырнул из тесных квартальчиков и оказался возле большого старого парка. Фасадом на парк глядела школа, в которую когда-то ходил Виктор. Сейчас там, должно быть, учится Томми, его младший брат. Ему около одиннадцати. Интересно, какой он? Похож на отца или на Нее?..

Они остановились на перекрестке. По пешеходному переходу с трудом тащила себя и покупки, торчащие из коричневого бумажного пакета, какая-то старушка. Мимо по тротуару пробежал облезлый пес и скрылся в тумане.

До Виктора донеслись звуки музыки, и он повернул голову. Чуть в стороне стояли четверо уличных музыкантов, подыгрывавших скрипу ветвей деревьев и вою ветра. Музыканты эти будто только что вылезли из какой-то канавы: залатанные штаны, выдавшие виды пальто, обувь столь же чиста и опрятна, как и лужи, в которых она находится, — настоящие бродяги. Да и инструменты были им под стать — облезлые, пошарпанные, хлипкие. Перед музыкантами на тротуаре лежала шляпа, голодным подкладочным ртом молящая о нескольких пенни.

Один из бродяг пел хриплым пропитым голосом. Виктор встрепенулся, когда услышал собственное имя.

...Виктор и его демоны ищут тебя...

В Лондонском смоге я встретил его,
Пропивал свою жизнь и не знал он того,
Что хоть пей, хоть не пей, а сгинешь, как все:
Скорбя о любви. ...Вот я и рядом присел.
Он все скулит: «Что за черт? Как же быть?
Эй, друг, посоветуй, как мне поступить!»
«Вот, выпей, дружище», — налил я ему.
И вместе в тот вечер пошли мы ко дну.

Виктор болтал — он был навеселе.
Уверял, что сбежала она на метле,
Что компас его сломан и карт не достать,
Что не может невесту нигде отыскать.

Сбоку вдруг раздался скрип, и Виктор, вздрогнув, поглядел на сестру.

Кристина закусила губу и скрючилась, наклонившись всем телом к лобовому стеклу, напоминая в этот миг какого-то жуткого горбуна. При этом она сжимала руль с такой силой, что он, казалось, вот-вот треснет. Сестра испепеляла взглядом старушку, переходившую улицу. А старушка все шла и шла. Дюйм за дюймом...

Бродяги меж тем запели нестройным хором. Судя по всему, это был припев:

...Виктор и его демоны появились в город,
Уж поздно сбежать — им дай только повод,
За пинтой не спрячешься, душу скребя.
Виктор и его демоны ищут тебя...

Сказал он: «Прости мне, друг, это нытье,
Мне б в Темзы объятья, чтоб не помнить ее,
Но за каждым углом и в каждом окне
Ее вижу лицо, ее слышится смех.

И зачем обвенчался я с ведьмой?! Вот черт!
Уже третий по счету этот город и порт...»
Виктору сказал я, чтоб впредь меньше пил.
А сам ему виски до края налил.

«Драндулет» фыркал и трясся.

Кристина зашипела. В ее понимании старушка была самым нерасторопным существом во вселенной и волочилась так медленно ей назло. В силу своей энергичности и непоседливости Кристина не могла выносить подобное спокойно. Она явно воспринимала каждое едва заметное движение старушки как личное оскорбление.

Музыканты тем временем продолжали свою заунывную историю:

И вот мы сидим: он говорит, а я пью.
Изливает он душу мне, ему я — свою.
Не слышу, что наши истории схожи,
Что жалобы те же. Эх, две пьяные рожи!

Трактирщик кричит вдруг: «Плати-ка за виски!»
Я глянул: приятель мой ушел по-английски.
Я хотел объясниться, ничего не тая,
Но хмуро трактирщик глядит... на меня?..

И виски закончился, и хмель отпустил.
Дурно мне — видимо, лишку хватил.
И за столом никого, кроме разве меня,
Как будто я — это Виктор, а он — это я.

И они снова затянули угрюмый припев про этого Виктора, который то ли существовал, то ли не существовал, и про шайку его демонов.

— Давай... давай... — шептала Кристина. — Еще дюйм... еще полдюйма... Да!

Старушка с покупками наконец сдвинулась на указанные полдюйма, и Кристина вдавила педаль в пол. «Драндулет» рыкнул, фыркнул, чихнул дымом из выхлопов и сорвался с места.

Фигуры бродячих музыкантов в круглом треснутом зеркале заднего вида все уменьшались. А музыка и слова песни постепенно становились тише, поедаемые воем осеннего ветра.

Виктора вдруг посетила тревожная мысль о совпадении...

«Виктор и его демоны заявили в город...»

Конечно же, он слышал раньше эту старую ирландскую песню, но то, что он ее услышал сейчас, когда вернулся домой... когда он вернулся в... город...

А каких демонов он, словно герой песни, мог привезти с собой? Тоску? Свою извечную спутницу — меланхолию? Мрачные воспоминания? Страхи перед возвращением в родной дом? Да, демонов набралось на маленький карманный ад.

«Виктор и его демоны заявили в город...»

О, если бы он только мог знать...

Виктор и до того чувствовал себя неуютно в старой семейной машине, сидя возле родной сестры, которой сейчас он был чужим ровно настолько, насколько был близок в детстве. Но теперь с ними в «Драндулете» присутствовал еще кое-кто. Или, вернее — некто. А уж если учесть его самолюбие, то и вовсе — Некто.

Весьма вальяжный и эксцентричный джентльмен сидел сзади и молчал всю дорогу. Виктор буквально спиной ощущал

его многозначительно невысказанное недовольство, презрение ко всему существу и к этим людишкам спереди.

Кот Коннелли возлежал на мягкой подушке с его же вышитым изображением на наволочке и, несмотря на то что «Драндулет» постоянно подпрыгивал на неровной мостовой, умудрялся не шевелиться. На его шее красовался алый галстук-бабочка, а на глазах — что выглядело весьма странно — была белая повязка.

— Это временно, — пояснила Кристина и свернула возле городской библиотеки. Она помахала какому-то пешеходу — знакомый ответил на приветствие.

— А что с ним?

— Я не разбираюсь во всей этой кошачьей медицине, но кажется, у него появился... эм-м... негативный взгляд.

— Кот-пессимист? — удивился Виктор.

— Нет! — фыркнула сестра. — Просто Кренделек видит все в обращенных тонах — кругом для него, как... ну... негатив фотографии.

Кот раздраженно повернулся к Кристине. Механически медленный и отточенный поворот головы мог значить лишь одно: «Не называй меня этим глупым прозвищем при нем».

— Только представь, — восторженно продолжала Кристина, — белое стало черным, а черное — белым! Ужас! Поэтому с повязкой ему лучше.

Коту, очевидно, вся эта тема была не слишком приятна, и выразалось это в его недовольном выражении видимой части морды. Виктор решил не продолжать расспросы.

«Драндулет» нырнул под ржавую арку, на которой неровными бронзовыми буквами было выведено: «*На холм Ковентли*».

Туман отступил, будто кто-то разом стянул чехольную ткань со старой мебели, открывая гидранты, почтовые ящики, проволочные линии телеграфа, а еще двух- и трехэтажные

дома с черепичными крышами, которыми, точно деревьями, порос холм.

А затем — Виктор даже вздрогнул от неожиданности — показались знакомые очертания их дома.

Это место было старым, морщинистым, от него веяло чем-то нездоровым. Подобные дома обычно обходят стороной, но только не этот. О, только не этот. Здесь всегда ошивалось множество народа: дальние родственники, различные неприятные знакомые родителей и совсем уж странные личности, заявляющиеся порой без приглашения и чувствующие себя как дома.

Крик-Холл был большим особняком: три этажа и чердак в придачу. Стены сплошь поросли плющом, и дом казался одетым в зелень, как огромный зверь в шкуру. Зеленоватая черепичная крыша требовала ремонта, но у хозяев уже примерно с полвека все никак не доходили руки. Как, впрочем, и до окружавшего дом неухоженного, поросшего бурьяном сада.

«Подумать только... семь лет прошло, а здесь ничего не изменилось», — хмуро отметил Виктор.

Он бросил взгляд на свое окно. Чернеет... Значит ли это, что Она никого не поселила в его комнате?

Возле садовой ограды сидел старый соседский пес. Завидев «Драндулет», он вскочил на все четыре лапы и радостно завилял хвостом. Судя по всему, Кристина его подкармливала.

— Слушай, Вик, — сестра прервала молчание, когда они заехали на вымошенную камнем подъездную дорожку, — я поставлю «Драндулет» в гараж, а ты пока иди в дом.

— Хитрая какая. Хочешь избежать бури?

— А что если и так? — с вызовом бросила Кристина и, повернувшись к заднему сиденью, стряхнула с подушки явно осуждающего ее поведение кота. Под подушкой обнаружилась небольшая сумочка.

— Хорошо-хорошо, — поспешил успокоить ее Виктор. — Буду выдерживать напор грозы в одиночку.

— Ты заслужил, — безжалостно добавила сестра.

— Гм... еще бы...

«Драндулет», пыхтя и фыркая, исчез за домом, а Виктор направился к крыльцу.

Поднявшись по ступеням, он оказался в полутьме, созданной нависающим эркером. Со стороны могло показаться, будто нервно сжимающий саквояж человек в пальто и шляпе, который только что был тут, вдруг перешагнул куда-то в совершенно другой мир и исчез. Что ж, в каком-то смысле так оно и было...

Виктор нервно сжимал ручку саквояжа, глядя на дверь. Вишневого цвета, в некоторых местах с облупившейся краской, на уровне груди — дверной молоток: бронзовый треугольник, каждая сторона которого выполнена в виде символической свечи как дань семейной традиции.

Виктор кое-что вспомнил и, опустив взгляд, сглотнул вставший в горле ком: он по-прежнему был там, на своем месте.

Порог Крик-Холла возвышался над площадкой крыльца всего лишь на полтора дюйма или около того. С левой стороны он, будто нижняя губа, искривленная в усмешке, был чуть выше — покосился за то время, что здесь жили Кэндлы.

Дедушка рассказывал, что их дом, как дерево, вырос именно из этого порога и почти за четыреста лет, что Крик-Холл стоит на холме Ковентли, он много чего повидал. Этот порог видел и чумные шествия, и костры, на которых сжигали ведьм, и даже битву под холмом Ковентли, когда, по легенде, мечи скрещивались с ведьмовскими веретенами, а благочестивые рыцарские сердца оплавливались под воздействием колдовских чар.

Кто только не переступал через порог Крик-Холла! Виктор не помнил имен, которые называл ему дед, но в его памяти

четко отпечаталось, что эти имена были грозными и величественными. Дедушка напугал Виктора своими мрачными и жестокими сказками, в которых всегда проливалась кровь, полыхали пожары, звенели кандалы и неизменно упоминался покосившийся порог Крик-Холла. Виктор никогда не любил эту кривую деревяшку. В детстве он даже старался не наступать на нее лишний раз.

Сейчас же и порог чуть постарел, и сам дедушка отбыл на тот свет с котомкой, полной грехов и благостей, да и Виктор стал старше и, как он надеялся, умнее. Он больше не верил в суеверия и стариковские рассказы, доверяя лишь типографской краске на газетной бумаге, но...

Виктор вдруг будто бы вновь вернулся в свои двенадцать лет. Он словно пришел из школы и боится зайти внутрь, ожидая наказания за какую-то оплошность. Да уж, сейчас его «оплошность» заключалась ни много ни мало в побеге из дома...

Дрожащими пальцами Виктор достал из внутреннего кармана пальто связку ключей. Найдя нужный, он просунул его в замочную скважину.

Неизвестно, на что он рассчитывал: должно быть, собиравшись распахнуть дверь, ворваться в дом, как стремительный порыв ветра, и как можно скорее пережить ожидающий его миг встречи с Ней, но все его планы рухнули в одночасье. Ключ и не думал поворачиваться.

— Что за черт? — Виктор шлепнул саквояж на крыльцо, двумя руками схватился за головку ключа и принялся с силой на нее давить. Пальцам было больно, лоб под шляпой покрылся потом, от напряжения даже скрипнули зубы. И все же ключ не подавался ни на волосинку.

«Постучать? — подумал Виктор и тут же испугался собственной мысли: — А что если Она откроет дверь? И тут же захлопнет ее перед моим носом... Что же делать?»

— Вам помочь, сэр? — раздался вдруг за спиной хриплый голос.

Виктор даже подпрыгнул от неожиданности и обернулся.

Снизу вверх на него глядел неопрятный старик в ветхом черном пальто с заплатами на локтях; красно-синий выцветший шарф висел на тощей шее. Старик был почти полностью лыс, хотя несколько длинных сальных прядей свисали по сторонам его покрытого щетиной лица. Глаза в прожилках из лопнувших кровеносных сосудов выглядели из разношенных мешков век — они пытливо взирали на Виктора.

— Вам помочь, сэ? — повторил незнакомец и склонил голову набок, подставляя свое большое вислое ухо под будущий ответ.

— Вы кто такой? — не совсем вежливо или, если точнее, совсем невежливо спросил Виктор.

— Я здесь служу, — старик кивнул на дверь. — У Кэндлов, сэ. У вас не получится открыть дверь.

— Вы садовник? Она наняла садовника? — Виктор с сомнением поглядел на неухоженный сад. — Это на Нее не похоже... И что же с дверью?

— Дело не в двери, сэ.

— А в чем тогда?

— В замке и ключе.

— И что садовник может понимать в замках и ключах?

Старик покачал головой.

— Я не садовник, сэ. И не говорил, что я садовник. Да и цветы я не слишком-то жалую. Разве что чертополох, когда он цветет. На моем окне сейчас цветет чертополох. Полезное растение, смею заметить, сэ, и очень красивое... Вам нравится чертополох?

«Никому не нравится чертополох», — подумал Виктор, но вместо этого спросил:

— Тогда кто же вы такой, если не садовник?

— Мое имя Стюарт Биггль, я хранитель ключей.

— Кто-кто? — недоуменно проговорил Виктор.

— Хранитель ключей — службу у Кэндлов в Крик-Холле.

— Да, я услышал. Просто не знал, что в этом доме развелось столько дверей, что без ключника не обойтись.

— Не смею судить об этом, сэр, — пробормотал Биггль. — Вам помочь открыть дверь?

— Если вас не затруднит.

Виктор вытащил — почти выдрал — ключ из замочной скважины.

— О, меня не затруднит — это ведь моя работа.

Старик полез под пальто и достал оттуда большую связку ключей; их на кованом кольце было столько, что сам собой напрашивался вывод: либо этот Биггль служит хранителем ключей не только в Крик-Холле, но и еще в доброй дюжине домов, либо в родовом гнезде за время отсутствия непутевого Кэндла действительно развелось множество незнакомых ему дверей.

Что-то бормоча, Биггль начал ощупывать ключ за ключом, глядя не на связку, а прямо перед собой, полностью доверяя кривым узловатым пальцам. Наконец он довольно хмыкнул и шагнул к двери. С виду ключ, который держал в руке старик, был точь-в-точь таким, как и у Виктора, только несоизмеримо древнее.

— И вы даже не спросите, кто я? — поинтересовался Виктор. — Вам что, разрешается впускать в дом кого угодно?

— Я знаю, кто вы, мастер Кэндл.

Глядя в глаза Виктору с нескрываемой усмешкой, старик с завидной легкостью повернул ключ в замочной скважине.

— Добро пожаловать домой, сэр.

Мистер Биггль вытащил ключ и толкнул дверь. После чего отошел за спину Виктора, давая ему пройти, но тот замер, точно восковая статуя, не в силах отвести взгляд от дверного проема. Из дома на него дхнуло жаром, как из печки с открытой заслонкой. В прихожей было темно и тихо.

— Биггль, а вы случайно не знаете, где...

Виктор обернулся к старику и замолчал, не закончив вопрос. На крыльце «мастер Кэндл» был в полном одиночестве. Хранителя ключей и след простыл — должно быть, незаметно удалился, пока хозяйский сын всматривался в темноту и топтался на месте в нерешительности.

— Что ж...

Виктор поднял саквояж. Набрал в грудь побольше воздуха, он сделал широкий шаг, чтобы невзначай не зацепить порог, и оказался в доме.

Дверь закрылась за его спиной...

Дом встретил его тишиной, лишь старые напольные часы тикали в прихожей.

Виктор снял шляпу, пальто и шарф — повесил все на знакомую с детства вешалку-стойку. Надо же, вот и отцовское клетчатое пальто! Рядом — дядюшкино пальто с отсутствующей третьей пуговицей, а немного в стороне висит Ее строгое темно-зеленое пальто.

Виктор огляделся. Не только вешалка и вещи на ней остались прежними — в прихожей будто бы даже все тени располагались на своих старых местах. Зеркало у двери, узкий коридорчик, ведущий в библиотеку, чернеющие проходы в прочие помещения дома. Широкая лестница напротив входной двери соединяла этажи, словно ломаный хребет. Где-то там, наверху, стоит пустой и холодной его старая комната...

Виктор пересек прихожую, направляясь к лестнице, и уже собрался было подняться к себе, когда услышал приглушенные голоса из-за двери справа. Кухня...

«Ну еще бы! — подумал Виктор. — Время ведь близится к полудню — готовка обеда, должно быть, в самом разгаре. И что делать? Пойти сразу в комнату или сперва?..»

Победив последние сомнения, Виктор направился на кухню, открыл дверь и остановился в проходе.

Он не ошибся: как раз готовился обед. По полу густым туманом стелился пар, вытекающий из кипящих кастрюль и казанков. На плите ярко горел огонь, а в углу сонно урчал и порой вздрагивал огромный бурый холодильник. Из-под потолка свисали гирлянды сковородок и котелков, половников и ножей; с ними соседствовали связки сухих грибов, пучки трав и кореньев. В кухне стоял сильный запах пряностей — Виктору захотелось чихнуть...

Голоса, которые он услышал из-за двери, вырывались из большого радиоприемника. Тот едва проглядывал среди банок, полных чего-то столь отвратительного, что желудок Виктора мгновенно рухнул куда-то вниз. Он заставил себя отвести взгляд, который тут же натолкнулся на то, что его обладатель поначалу принял за очередной клуб пара.

Виктор затаил дыхание, его сердце забилося сильнее.

Это была Она. Конечно же, он мгновенно узнал Ее. Как будто и не прошло столько лет.

Ловко управляясь с ножом, спиной к нему стояла худощавая женщина с пышной копной рыжих, слегка прихваченных сединой волос, собранных в узел на затылке.

Мама... На ней было то же самое платье, что и тогда — в последний раз, как он ее видел: вязаное зеленое платье с цветочным узором; на месте был даже передник.

На глазах у Виктора выступили слезы. Правда, выступили они оттого, что она как раз нарезала лук: нож, словно клацающий клык, стучал по дощечке.

Странный необъяснимый порыв толкнул Виктора вперед. Он быстро подошел к маме, поставил саквояж на пол и, не подумав, что она может порезаться, закрыл ей глаза руками: «Угадай кто?»

Нож завис в воздухе — она прекратила резать.

— Иероним? — спросила мама. — Что, уже начинается? Так скоро, но я ведь не готова, и ты знаешь...

Она оторвала ладони Виктора от глаз и с улыбкой обернулась.

Мама, казалось, совсем не постарела, лишь несколько морщинок появилось на ее высоком лбу и в уголках глаз, да и щеки чуть впали. Все остальное было прежним: острый нос, тонкие губы, пронзительный взгляд.

Улыбка мамы мгновенно потускнела, стоило ей понять, кого она видит перед собой.

— А, это ты...

Как будто ничего не случилось. Как будто он не покидал родной дом, а всего лишь вышел на минутку за газетой.

Виктор стоял, словно пыльным мешком прихлопнутый, — настолько его обескуражила реакция матери. Лучше бы она начала ругать его, проклинать, плакать... Он ожидал чего угодно, надеясь на объятия, боясь ее гнева, но эта холодность, это равнодушие... И еще ее слова...

Иероним, о котором говорилось в письме! Она полагала, что это он стоит у нее за спиной? Очевидно, что так. Но что же должно начаться?! К чему именно она пока не готова?..

— Ты еще долго будешь стоять, как тролль, обращенный в камень рассветными лучами? — спросила мама, после чего отвернулась и продолжила нарезать лук как ни в чем не бывало. — Я бы на твоём месте пошла и разложила вещи. Твоя комната готова. Обед будет в три часа, как обычно.

Виктор машинально кивнул, подхватил саквояж и быстро пошагал прочь.

В дверях кухни он замер и обернулся — мама по-прежнему стояла к нему спиной. Она тонула в волнах пара, и казалось, вот-вот растает, растворится в нем без следа.

Нож стучал по доске, радио продолжало бубнить, огонь шипел на плите, а вода бурлила в кастрюлях.

Все это происходило и до его возвращения, до того, как он вошел в кухню. Его приход ничего не изменил.

Томми Кэндл знал, что тайны и секреты когда-нибудь сыграют с ним злую шутку. И все равно не мог с собой бороться.

Если кого-то судьба и обделила любопытством, то на нем отыгралась в полной мере: стоило ему только подсмотреть что-то вполглаза, услышать что-то вполуха, а то и просто почуять витающий в воздухе запах чего-нибудь загадочного, таинственного или же непонятного, как все его мысли с этого момента начинали работать лишь в одном направлении.

Томми всегда заранее знал, что ему подарят на день рождения, Рождество, Хэллоуин и *другие* праздники... праздники, которые были в мамином календаре и которые, как Томми однажды понял, отмечаются далеко не всеми.

Любопытство мальчика не ограничивалось одними лишь подарками. Он наравне со взрослыми знал всю подноготную внутрисемейных дразг и мог, к примеру, в подробностях рассказать, отчего на самом деле тошнит дядюшку Джозефа, какую очередную пакость задумала тетушка Рэммора или куда ходит папа, когда говорит маме, что отправляется в библиотеку.

Все, что творилось в доме, и все, что скрывали от детей, для Томми никогда не было секретом. И тем не менее он понимал, что взрослые хранят тайны не просто так, ведь не зря же их злит, когда кто-то сует в их дела свой праздный детский нос. А еще он понимал, что именно шатание по чужим комнатам и любовь к замочным скважинам и ящичкам комодов приводят к наказаниям.

Наказания он терпеть не мог. Его не лишали сладкого и даже не запирали в чулан, как других детей. Мама просто глядела на него, говорила ледяным тоном: «Ты наказан, Томас Кэндл», и все — уходила, возвращаясь к своим, маминым, делам. А Томми застывал посреди холла, или своей комнаты, или на лестнице, не в силах пошевелиться. Он был

так испуган, что горло сводило судорогой, а глаза не могли моргнуть — казалось, даже сердце переставало биться. И так он стоял час, два, три, пока кругом, не замечая его, ходили люди, где-то раздавались смех и разговоры, повсюду витали запахи, доносящиеся с кухни. Нет уж, пусть лучше некоторые (особенно мамыны) тайны бродят себе стороной, чем такое...

После очередного наказания Томми Кэндл всегда обещал себе больше ни во что не ввязываться, не бродить, где не положено, и не лезть в тайны взрослых, но всякий раз ему снова попадалось нечто такое, что будто нарочно испытывало его любопытство, и он мгновенно забывал обо всем на свете.

Сегодня же его ждал как раз такой, загадочный до колики в боку, случай. Случаю этому предстояло произойти в самом конце последнего перед каникулами урока. Но предшествовало ему еще одно довольно странное событие: лучший друг убежал от него вниз по главной школьной лестнице...

— Чарли, стой! — крикнул Томми, но тот будто бы не услышал.

Съехав по перилам, Чарли спрыгнул на пол у основания лестницы и, нырнув в толпу учеников, исчез в ней.

Томми бросился за другом.

Перепрыгивая ступени, он обогнул старого учителя географии мистера Клуда, заснувшего прямо на лестнице, миновал парочку девочек, игравших в «колыбель для кошки», и едва не натолкнулся на учителя математики мистера Эдвуда, который на миг потерял равновесие и подбросил вверх голову мумии из папье-маше.

— Не бегать, мистер Кэндл! — прикрикнул мистер Эдвуд, поймав самодельную голову.

— Да, мистер Эдвуд! — ответил Томми, даже не думая останавливаться.

Оказавшись на первом этаже, он встал на носочки, высматривая друга.

Отыскать Чарли оказалось не таким уж простым делом: в холле школы имени Губерта Мола царил предпраздничная суматоха.

Здесь сейчас было не протолкнуться. Помимо учителей и учеников, по холлу расхаживали скелеты, то и дело приветственно снимающие шляпы и скрежещущие зубами. В разросшейся на стенах паутине ползали пауки, повизгивали летучие мыши в клетках.

Школьные музыканты под присмотром мистера Дреббина, занудного учителя музыки, играли медленный тягучий вальс, но всякий раз, лишь стоило ему отвлечься, они тут же, посмеиваясь и перемигиваясь, начинали играть веселый «Танец тыквоголовых».

Библиотекарь мистер Блум и учительница английского языка мисс Полсон развешивали под сводами на первом этаже свечи, с которых время от времени на пол, головы учеников и шляпы учителей капал горячий воск. Двое старшеклассников волочили куда-то огромную тыкву, в которой уже были вырезаны глаза, нос и рот. От тыквы исходил сладкий запах, как будто в холле взорвалась пирожная бомба.

— Куда же ты подевался? — пробормотал Томми, озираясь кругом. Здесь сейчас был кто угодно, но только не Чарли — друг будто взял и просто превратился в кого-то другого.

Томми влез в толпу, как в густой кисель, и... тут же случайно наступил кому-то на ногу.

— Осторожнее, мистер Кэндл! — раздался резкий скрежещущий голос.

Томми глянул на того, кто его окликнул, и обомлел.

— Простите, мисс Саметри! Я не заметил...

— Тогда пусть ваша мама купит вам очки! — последовал ответ, и Томми предпочел уже сам спрятаться в толпе учеников.

Девочки из младших классов выстраивались парами под суровым взглядом мисс Саметри, самой злой и безжалостной учительницы в школе.

— Быстрее, мисс Блейкли! — строго проговорила она. — Мы все будем ждать вас одну?

— Простите, мисс, — всхлипнула одна из девочек и резво застегнула пальто.

— Все готовы? Следуйте за мной!

Учительница развернулась на каблуках и зашагала к выходу. Ее подопечные поплелись следом.

Стоило мисс Саметри скрыться за дверью, как Томми позволил себе вздох облегчения. И тут возле раздевалки он заметил знакомую лохматую голову.

Чарли Уиллинг торопливо натягивал темно-синее вельветовое пальто, одновременно пытаясь вывернуть наружу вязаную шапку с кисточкой. Портфель, закрытый всего лишь на одну из двух защелок, он при этом сжимал коленками.

Было ясно, что Чарли задумал: он собирался сбежать с занятий. Снова. И снова перед ее уроком. Притом что он не был на истории уже два месяца, постоянно находя какой-то предлог, чтобы улизнуть домой.

Чарли Уиллинг любил историю, когда ее преподавала старая миссис Кирчен, но миссис Кирчен вышла на пенсию, ее заменила новая молодая учительница, и Чарли совсем перестал посещать класс на третьем этаже северной башенки школы.

— Думал сбежать и ничего не сказать? — обиженно спросил Томми, подходя к другу.

Чарли с досадой глянул на него — было видно, что именно так он и думал.

— Мне надо идти. У меня срочное дело.

— Кому ты врешь? Ты просто решил пропустить последний урок...

— И когда это ты стал таким занудой? — спросил Чарли.
Занудой Томми стал, когда мама пообещала сварить его в котле, если он принесет домой перед праздником плохие отметки.

Чарли наконец застегнул пальто и натянул шапку. Схватив портфель, он притаился за дверью, украдкой высматривая через пробитое в ней окно что-то на улице.

— Сделай доброе дело, — сказал он. — Если увидишь мистера Грокха, свистни. Вдруг он решил сегодня не пойти за школу. Не хочу, чтоб этот старый хрыч подкрался со своей тростью.

Школьный смотритель мистер Грокх вечно сидел на своем стуле у входа и зорко следил за тем, чтобы ученики не сбежали с занятий — Томми и Чарли нередко от него доставалось. Сейчас старик куда-то отлучился — должно быть, отправился перекинуться парой слов и фляжкой бренди со своим приятелем, мистером Тёрнером, школьным садовником.

Томми сделал последнюю попытку образумить друга:

— Ты не можешь уйти прямо сейчас! Самый последний урок!

— Не пойду, и все! — упрямо бросил Чарли.

Он как-то сказал, что мама якобы запретила ему посещать уроки мисс Мэри. Томми знал, как его друг боится свою маму. Говорили, что миссис Уиллинг злющая как ведьма и что она бьет Чарли за любую провинность. Нет, Томми тоже дважды подумал бы перед тем, как перечить своей маме, но в сравнении с миссис Уиллинг его мама могла бы показаться очень даже доброй.

— Но мисс Мэри... — начал было Томми.

— Ну ты правда не понимаешь! Стоит ей меня увидеть — и все! Мне точно конец!

Вдалеке показался сгорбленный ковыляющий старик с тростью. Еще дюжина ярдов, и мистер Грокх остановится

раскурить свою зловонную трубку возле колодца, как он это всегда и делает. Вот тогда можно будет и прошмыгнуть...

— Чего ты ее боишься, Чарли? — все никак не мог взять в толк Томми. — Мисс Мэри очень добрая, не то что мисс Саметри! Когда вела миссис Кирчен, можно было умереть со скуки, а мисс Мэри все так интересно рассказывает! Ты бы сразу полюбил ее уроки и ее саму, и... — Томми вдруг замолчал. Он сделал это так неожиданно, что Чарли даже отвлекся от неспешно бредущего через парк мистера Грокха. — А может... Может, ты в самом деле в нее того... э-э-э...

Чарли глянул на него волком.

— Заткнись, Кэндл! — рявкнул он.

Томми усмехнулся — как ему казалось, он с легкостью вывел друга на чистую воду. Тот вновь бросил взгляд в окно: мистер Грокх приставил свою трость к колодцу и принялся раскуривать трубку. Вот оно, самое время!

Чарли подхватил портфель, уже собрался было толкнуть тяжелую дверь и выбраться наружу, как вдруг обернулся.

— Я же тебе уже сто раз говорил! — раздраженно бросил он. — Она ведь моя двоюродная тетка, а не просто какая-то там мисс Мэри! Они с мамой на дух друг друга не переносят и... и... Да что ты понимаешь!

Томми и правда не понимал. И что такого, если двоюродная тетка при этом еще и твоя учительница? Вот его родных теток хлебом не корми — дай понаставлять да позанудничать.

— Ладно-ладно, — сказал Томми. — Можешь не признаваться. Я и так все понял. Не бойся, я — могила. Но вам с Уилли Паттоном придется сразиться — он ведь тоже тайно влюблен в мисс Мэри.

Чарли хотел что-то ответить, но передумал, решив, вероятно, что на это совсем нет времени, и исчез, хлопнув дверью.

— Эй, не забудь, что у нас дело! — крикнул ему вслед Томми.

Чарли уже не слышал, и Томми лишь оставалось надеяться, что друг не забудет об их общей тайне.

Колокол на Часовой башне зазвонил, и мисс Мэри влетела в класс, как обычно, с самым последним ударом.

Ученики уже заняли свои места, и пустота рядом с Томми прямо-таки вопила о том, что кое-кого не хватает. К несчастью, их парта была еще и в первом ряду.

По мнению Томми, не заметить отсутствие его друга было в принципе невозможно, но мисс Мэри, кажется, забыла, что в ее классе должен быть еще кто-то, и с удивлением разглядывала небольшую тыкву, неизвестно откуда появившуюся в кабинете. В тыковке горела свеча: огоньки в прорезях рожицы отбрасывали забавные тени на стол учительницы.

Так и не догадавшись, кто из учеников ее туда поставил, мисс Мэри поправила изящные круглые очки и промурлыкала свое привычное:

— Здравствуйте, мои дорогие. Никто не опоздал?

Само собой, опоздавшие и отсутствующие и не подумали признаваться.

Сидевший позади Томми зубрила Бобби Тэммин, известный любитель ябедничать, как-то подозрительно заерзал на стуле. Томми, спиной почуяв крамольные мысли, обернулся и так красноречиво на него зыркнул, что у бедняги рот хоть и остался открытым, но вот слова застряли где-то на полпути.

— Только попробуй, — на всякий случай предупредил Томми, продемонстрировав Бобби кулак.

Соседка Бобби Тэммина, легкомысленная Сьюзи Кларк, тут же прыснула со смеху. Томми давно подозревал, что девчонка без ума от некоего мистера Томаса Кэндла и только

и норовит, что обратить на себя его внимание, посему показал кулак и ей тоже.

Сьюзи в ответ насупилась, а Томми подумал, что это к лучшему, — еще не хватало попасть в девчоночьи сети, а после уроков таскать чей-то там набитый битком портфель.

— Мистер Кэндл, перестаньте наконец вертеться, — сделала ему замечание мисс Мэри.

Томми сел ровно и посмотрел на учительницу.

Если бы его спросили, сколько мисс Мэри лет, он бы не смог ответить. Он знал, что она намного младше его мамы, но точно старше Кристины, его сестры. У нее были невероятно путаные каштановые волосы, слегка заостренное лицо, тонкий нос и живые, подвижные губы, которые редко оставались без улыбки.

Мисс Мэри всегда носила одно и то же платье, словно других у нее попросту не было. Богатенькая Констанция Уайли говорила, что, мол, мисс Мэри — нищенка, но высокомерную задаваку в этом никто не поддерживал: все любили добрую и приветливую учительницу. Тем более ее фиолетовое платье из шотландки ей очень шло.

— Дети, — сказала мисс Мэри, обращаясь к классу, — все вы, должно быть, знаете, какой сегодня день.

— Конечно! Последний день учебы! — раздалось со всех сторон. — Завтра каникулы!

— Правильно, — кивнула учительница. — У нас в школе осенние каникулы традиционно наступают именно за неделю до кануна... кануна чего, кто мне подскажет?

— Кануна Дня Всех Святых! — объявил очевидное на весь класс Бобби Тэммин. — Наш главный городской праздник! Хэллоуин!

— Наш главный городской праздник — Хэллоуин, — проворчал Томми, который терпеть не мог зануд, выскочек, а еще людей, которые успевают ответить раньше него. — Клянусь, это даже старая псина миссис Торчвуд знает.

— Ай-ай-ай, мистер Кэндл, — укоризненно улыбнулась учительница. — Надеюсь, вы имели в виду именно собачку Торчвудов, а не уважаемую всеми нами старушку?

— Собаку.

Томми смутился. Прозвучало и впрямь двусмысленно. Хотя жившая возле школы старуха, по мнению мальчика, мало чем отличалась от своего питомца — она всякий раз рычала и скалила кривые коричневые зубы, стоило ей заметить Томми.

— Итак, ученики, — начала мисс Мэри, — я хотела сегодня попросить вас рассказать мне историю образования Шотландского королевства — вы должны ее отлично помнить с прошлых уроков. Но скоро и вправду Хэллоуин, а значит, можно провести особый урок.

Надо сказать, что у мисс Мэри «особым» уроком обычно был каждый третий, а то и каждый второй. В отличие от других учителей, она не слишком придерживалась школьной программы и часто позволяла себе отойти в сторону от рекомендованной темы, с головой окунаясь в различные исторические домыслы и самые невероятные теории. Так, например, на одном из прошлых занятий мисс Мэри очень подробно рассказывала про легенды о гоблинах и их Под-Королевстве. При этом она с совершенно серьезным видом утверждала, что короли гоблинов по-прежнему ведут кровопролитные войны за Ржавый трон, а их кузнецы куют невиданное оружие и варят волшебные зелья!

Да, от таких уроков ученики были просто в восторге. А кто бы не был, когда вам вместо скучных дат и пыльных фактов рассказывают захватывающие легенды. И теперь всех мучил вопрос: что же она приготовила на этот раз, на самый последний урок перед каникулами?

— Итак, канун Дня Всех Святых... — сказала мисс Мэри. — Многие верят, что в ночь на тридцать первое октября пропадающие души возвращаются в наш мир — проходят через

могилы, в которых лежат их тела, будто через двери. Неприкаянные и едва выбравшиеся из крошечной тьмы и стылой пустоты, первым делом они направляются туда, где раньше жили, — в свои старые дома. Изначально люди наряжались в жуткие костюмы именно для того, чтобы напугать призраков и прогнать их прочь, а не для того, чтобы выклянчить побольше конфет, — жаль вас огорчать, мистер Брин. Тыква «Светильник Джека», — учительница кивнула на тыкву, стоящую на ее столе, — заменила в свое время репу, которая также служила охранным амулетом против незваных гостей с того света. Злющая жуткая рожа у двери никого не пустит дальше порога — так считалось. Да-да, мисс Кларк, это не просто причудливое украшение для вашего дома — именно такая вот тыква помешает вашей злой мертвой прапрабабушке заявиться к вам в гости в полночь Хэллоуина и схватить вас за пятки. Также это касается и угощения, традиционно оставляемого за порогом. Когда-то это делалось вовсе не для того, чтобы порадовать соседских детишек, а чтобы задобрить умерших. Люди полагали, что, насытившись, призраки не проникнут к ним в дом, не застанут их в постелях и не начнут обживать в их комнатах, а спокойно себе уйдут. Это все можно не записывать, мистер Тэммин.

Мисс Мэри обвела взглядом класс. В ее глазах блеснули озорные искорки.

— Впрочем, с тех пор прошло много времени, и никто уже почти не помнит, откуда пошли те или иные традиции. Сейчас все это просто забавные тыквы, передевания в жуткие костюмы монстров и охота на конфеты. Давайте и мы с вами сдуем пыль старины, оставим ветхие традиции и поговорим о современном празднике. Что Хэллоуин значит лично для вас? Кто мне расскажет? Да, мистер Бэрри?

По классу прокатились смешки. Доджи Бэрри был тучным и долговязым. Он был настоящим громилой. Почти по всем предметам он едва-едва вытягивал и всегда выражал свои

мысли грубо и отрывисто — так, будто английский был ему неродным языком. Ученики в школе и дети с улицы называли его Троллем. Он отвечал им взаимностью: обзывал «мелочью» и гонялся за ними, но очень редко догонял — Тролль Бэрри был неповоротливым.

— Мой папа говорит, что Хэллоуин — плохой день, — глухо сказал Доджи. — Папа запрещает мне выходить на улицу в Хэллоуин. Потому что по городу бродят ведьмы. Они хотят меня поймать и заставить им служить.

Почти все ученики фыркали и переглядывались. Если бы не присутствие мисс Мэри, которая не позволяла никому издеваться над Троллем Бэрри, они бы начали покатываться со смеху.

Но и она была удивлена:

— Служить, мистер Бэрри?

— Подравнивать серебряными ножницами их метлы. Натирать до блеска котлы. А еще таскать их самих на спине.

Томми, в отличие от одноклассников, смешно не было. Ему не нравилось, когда потешаются над Бэрри. Он считал, что тот ведет себя как громила, потому что на самом деле боится других детей.

— Я полагаю, ваш отец просто шутит, мистер Бэрри, — сказала учительница и улыбнулась ему.

Доджи был словно придавлен ее улыбкой — так ведут себя многие громилы, когда к ним относятся по-доброму. Он пробурчал нечто вроде: «Нет, не шутит», но его уже никто не слушал. Мисс Мэри дала слово еще одному из учеников.

— Да, мистер Брин, — кивнула она толстяку за задней партой. — Вы хотите нам что-то рассказать о Хэллоуине?

— Ну... м-м-м... э-э-э... Мне нравится Хэллоуин.

— Из-за сладостей, которые достаются толстякам просто так, — вставил Уилли Паттон, главный заводила и остряк в классе.

Уилли Паттон быстрее всех в школе гонял на велосипеде. А еще у него был глупый (для Томми) и изумительный (для всех девчонок) чубчик. Уилли вел себя как настоящий бунтарь: хоть он вынужденно и носил форменное школьное пальто из синего вельвета, но обычно поднимал его воротник, помимо этого, он подкатывал отвороты брюк. Шапку же, напротив, он не носил никогда. Были дни, когда Томми еще не знал, что с мамой лучше не спорить, и пытался отвертеться от шапки, приводя в пример Уилли Паттона, который ее никогда не носит. И тогда мама сказала: «Уилли Паттон, знаешь ли, может себе позволить не надевать шапку, поскольку умрет от простуды через два года». Так как мама никогда не шутила, Томми сразу же поверил ей, а к обожаемому всеми Уилли с того дня относился с жалостью — ему ведь умирать скоро.

— Нет, не из-за сладостей, — заплетающимся языком пытался оправдаться Дэнни Брин, но одноклассникам было все равно. Все смеялись над шуткой Уилли.

— Дайте ответить вашему товарищу, дети, — призвала учеников к порядку мисс Мэри. — Мистер Брин, прошу вас.

— Да... э-э-э... — начал толстяк. — Я люблю Хэллоуин, потому что каникулы! Потому что бабуля печет пироги и повсюду вкусные запахи. А еще потому, что в городе так красиво! Везде тыквы, все фонари зажжены и горят всю ночь! А ведьмы делают из дыма, который поднимается из дымоходов, разные странные и красивые фигуры!

— Достойный ответ, мистер Брин, — похвалила мисс Мэри. — Полагаю, многие из нас согласятся с вами. Мне тоже нравится все вами перечисленное. Мисс Уайли?

Высокомерная Констанция Уайли сидела во втором ряду, у окна, и всегда вела себя со всеми так, будто они ее слуги. Мама говорила: «Это потому, что единственный достойный Уайли погиб на войне, а никчемная дочурка не в состоянии даже искру высечь — вот и бесится». Томми так и не понял

ничего об искрах, но уяснил, что ничего особенного в Констанции нет.

— Ну, моя мама и тетушка Джилл говорят, что все носятся как угорелые по городу в Хэллоуин. И от них житья нет: вечно стучат в двери и все такое. А еще все отпускают своих собак и котов, и они гоняются за нашим старым филином Биллом. Ну а ведьмы отчего-то возомнили себе, что наша крыша самая удобная в городе для взлетов и приземлений. Всю ночь в Канун слышу шаги по черепице и шорох метел...

Мисс Мэри неожиданно помрачнела. Томми бросил осуждающий взгляд на Констанцию: он решил, что это она своим высокомерным ответом как-то оскорбила учительницу. Не задумываясь, он готов был встать на защиту мисс Мэри и наброситься на Констанцию Задранный Нос Уайли с уничижительными упреками. Он собирался сказать ей, что она сама ведьма и вообще ничего не понимает и... и... и не может даже искру высечь.

Томми не понимал, как смешно он выглядит в эту минуту. Учитывая то, что он говорил Чарли совсем недавно, он ни за что не признался бы себе, что он сам... что мисс Мэри... самая добрая и красивая...

— Что вам так покоя не дают эти ведьмы? — строго спросила мисс Мэри. — Все говорят о ведьмах... Как будто вы знаете лично хотя бы одну, и я не имею в виду кого-то из ваших скверных тетушек. Ведьм ведь не существует, верно?

Томми с этим бы поспорил. Лично он знал множество жутких старух, которые по определению не могли не быть ведьмами. Их городок просто кишел такими старухами. Та же миссис Торчвуд! А еще нельзя забывать о тетушке Рэмморе...

Однажды Томми увидел, как она подохла пальцем свою сигарету! Тетушка заметила его и сказала: «Ловкость рук!», а еще: «Кыш, малявка!» — но Томми не обманешь. Такая склочная и ехидная женщина, как тетушка Рэмми, просто

обязана летать по городу на метле, а не ездить на своей маленькой горбатой машине. А еще она любит носить полосатые чулки, что тоже явный признак. Мама, помнится, сказала, что такие чулки носят... там было какое-то незнакомое слово, что-то вроде «очень-очень плохой ведьмы», а затем добавила, обращаясь уже к старшей сестре Томми: «Если увижу тебя в таких чулках, Кристина, выжгу у тебя на пятках клеймо (той самой “очень-очень плохой ведьмы”»». Само собой, сестра с того дня носит именно такие чулки, о чем мама пока вроде как не догадывается, иначе воплотила бы свою угрозу в жизнь — она на такое способна.

— Эти ведьмы! — хмыкнул Уилли Паттон. Он, что невероятно злило Томми, сох по мисс Мэри и пытался привлечь ее внимание своим чубчиком. — Им здесь не место. Взять всех ведьм за шиворот, засунуть в мешок и вышвырнуть из города. А с ними вместе ту сумасшедшую, которая бродит по улицам. Проклятую Ворону, пророчащую всем беды.

— Да, особенно эту чертовку Ворону! — поддержал кто-то из дружков Уилли.

— И так бродяг всяких развелось!

— Мама говорит, что...

— Замолчите! Немедленно!

Мисс Мэри поднялась на ноги. Точеным жестом она передвинула очки ближе к глазам. В стеклышках отразился огонь от горелок газовых ламп.

Томми показалось, что в класс вдруг заползла темнота, тени начали клубиться у стен и под потолком, растекаясь, будто пролитые чернила, по полу и партам. Окно отворилось и хлопнуло. В класс залетело несколько сорванных ветром листьев.

Ученики, оцепенев, застыли на своих местах. Все боялись даже моргнуть. В таком состоянии учительницу никто еще не видел.

— Мисс Мэри? — глухо проговорил Томми.

— Да, мистер Кэндл, — она перевела на него медленный и тягучий взгляд.

Томми почувствовал, будто его схватили за горло чьи-то ледяные пальцы. Душа мальчика ушла в пятки.

— Мед... — сказал он.

— Что? — спросила мисс Мэри.

— Мед. Медовый пирог, — пояснил Томми дрожащим голосом. — И кленовый сироп. Пахнет ими, и от этого запаха никуда не деться. Папа везет нас с Кристиной и Марго в город. И даже радио в машине работает, а по нему идет праздничная передача. В городе люди, и все покупают открытки и подарки. И мы тоже едем за подарками, ищем их по лавчонкам на главной улице и складываем в «Драндулет», это наша машина, ну, вы понимаете. А потом мы заезжаем в «Сову в фонаре». И там ужинаем. Папа смеется и много шутит — он как будто вылез из своей болезни. И говорит: «Жаль, что с нами нет Вика». И передает Кристине кусочек медового пирога, и снова шутит. И все смеются. Никто не злится, как мама, никто не ворчит, как дядюшка Джозеф, никто не обвиняет в чем-то дядюшку Джозефа, как тетушка Мэг, никто не кричит и не устраивает истерику, как тетушка Рэмми. Потому что их с нами нет. Может, это плохо так говорить, но это мое самое-самое любимое время в году. Потому что их нет...

Томми выдохся. Он говорил с такой горячностью, что даже покраснел и весь взмок. Пока он рассказывал, чем для него является Хэллоуин, мисс Мэри незаметно вновь стала собой, ее очки сползли к кончику носа, а на губах появилась улыбка. Она села, уперла локти в стол и, сцепив пальцы, опустила в них подбородок, заслушавшись.

В классе как будто ничего и не произошло: ярко горел свет, окно было закрыто. Одноклассники молчали, глядя на Томми, никто над ним не потешался, никто не шумел и не переглядывался.

— Я вам завидую, мистер Кэндл, — сказала мисс Мэри с грустью. — Праздновать Хэллоуин с близкими — что может быть лучше этого?

Учительница дернула головой, словно стряхивая грусть, и, откинувшись на спинку стула, обвела взглядом класс.

— Что ж, дорогие мои, я узнала, что значит для некоторых из вас праздник, который скоро наступит. Мне действительно было интересно вас слушать, но давайте вернемся к предмету, который мы здесь изучаем. К истории...

Со всех уголков класса раздалось синхронное, полное разочарования «ну-у-у».

— Но, — продолжила мисс Мэри, — меня интересует конкретная история. История, которую все вы хорошо знаете и которую каждый год слышите у камина незадолго до полуночи в канун Дня Всех Святых. И вот как мы поступим: мы сыграем с вами в игру. Вы будете мне рассказывать, а я буду слушать. А после, если мне понравится ваша история, в качестве подарка я расскажу вам свою версию этой истории. Вам интересна такая идея?

Общий гул выражал единое мнение: интересна.

— История, само собой, о Джеке-Фонаре. Все и так уже поняли, правда, мистер Бэрри? — широко улыбнулась учительница. — Итак, начнем. Пусть каждый из вас расскажет всего по два-три предложения. Договорились? Мистер Торни, вы первый. За ним мистер Кэндл, мисс Фаули, мистер Грей и так далее. Начинаем!

— Ну... э-э-э... да... — начал Пит Торни, отец которого держал бакалейную лавку на Грейвз-стрит. — Жил... э-э-э... в Ирландии один хитрый пройдоха. Его звали Джек. И однажды в Хэллоуин в пабе он повстречался с самим Дьяволом.

— Неплохое начало, мистер Торни! — похвалила мисс Мэри и кивнула Томми.

— Джек даже не догадывался, кого встретил, — сказал Томми, — пока не пропил последние деньги: Джек, как говорит

мой дядюшка Джозеф, был совсем на мели. А выпить еще ему ой как хотелось — хотя бы одну кружечку! И тут очень удачно подвернулся некий господин. Он предложил Джеку купить кружку эля в обмен на его пропащую душу.

Томми замолчал, уступая право продолжать сидящей через пустое место Лиззи Фаули, стеснительной и замкнутой девочке.

— И... и Джек... — неуверенно начала Лиззи, но под ободряющим взглядом мисс Мэри немного расхрабрилась. — И Джек согласился. Они ударили по рукам, и тогда Дьявол заказал Джеку кружку эля, а затем превратился в шестипенсовик, чтобы заплатить за нее. Но хитрый пройдоха Джек не стал отдавать шестипенсовик трактирщику — он сказал ему, что спрос с того, кто заказывал эль, а тот, мол, сбежал. При этом сам Джек быстро засунул монетку в карман. Там у него лежал серебряный крестик, и Дьявол, как ни пытался, не смог выбраться наружу...

— И Джек! — выпалил Джимми Грей, не вытерпев, стоило Лиззи сделать паузу. — Джек не выпускал Дьявола до тех пор, пока тот не пообещал, что не будет пытаться забрать его душу целых десять лет! Дьявол сдержал слово, но через десять лет вернулся и подкрался к Джеку на дороге, когда тот шел ночью домой из паба.

— Дьявол уже собирался забрать Джека с собой, — добавила Сьюзи Кларк, — но Джек, сообразив, что к чему, попросил Дьявола о последнем желании: ему вдруг захотелось яблок. Дьяволу не терпелось забрать душу Джека, и он не спорил. Забравшись на росшее поблизости дерево, он сорвал яблоко и уже собирался слезать, но тут хитрый Джек вытащил нож и вырезал на стволе яблони крест. Дьявол снова оказался в ловушке.

— И Джек заставил Дьявола пообещать, — вставил Уилли Паттон своим размеренным ироничным голоском, — что тот никогда за ним не явится и вообще перестанет претендовать на его душу. Дьявол был в безвыходном положении и поэтому

согласился. Джек закарябал ножом вырезанный крест, и Дьявол, выругавшись напоследок в лучших дьявольских традициях, исчез. — Уилли самодовольно поглядел на Доджи Бэрри, предоставляя ему право продолжать.

Доджи молчал.

— Что? — Тролль Бэрри не понял, почему все хихикают и глядят на него. — Это же конец.

— Нет, это не конец, болван, — высокомерно изрекла Констанция Уайли. — Год спустя Джек умер — подавился, когда ел репу, и его не пустили на небеса, потому что он вел разгульную жизнь и много грешил. Мама и тетя Джилл говорят, что все ирландцы такие. — По нарочито язвительному тону Констанции, в котором проскальзывали мечтательные нотки, можно было понять, что она все бы отдала, чтобы иметь друга-ирландца. — И тогда Джек спустился в ад, но Дьявол захлопнул перед ним двери, ведь он обещал, что больше не станет претендовать на душу Джека. Дьявол сказал, что больше не хочет видеть Джека. Его нельзя винить, ведь Джек был ирландцем, а все ирландцы...

— Мисс Уайли! — оборвала девочку мисс Мэри. — Мы уже поняли ваше отношение к ирландцам. Кто-то может продолжить?

— Да, я могу, — сказал Дэнни Брин. Толстяк так волновался, что по его широкой физиономии струился пот, хотя в классе было не то чтобы очень жарко. — Джек спросил Дьявола, что ему делать и куда теперь идти, и Дьявол посоветовал ему идти туда, откуда пришел. Но путь назад был страшным, ведь дорога пролегла в крошечной тьме и стылой пустоте. Джек напоследок попросил у Дьявола какой-нибудь источник света, чтобы не заблудиться и отыскать путь обратно.

— Я тоже знаю! — вскинул руку Бобби Тэммин. Ему стоило невероятных усилий дождаться своей очереди. И когда по вине Констанции через него перескочили на толстяка с задней парты, он так переволновался, что едва не забрался

на столешницу вместе с ногами. — Дьявол достал прямо из адского пламени горящий уголек и швырнул его Джеку. Чтобы тот не затух по дороге, Джек выдолбил в репе, которую ел прямо перед смертью, дырку и засунул уголек туда. Но все это было напрасно: он так и не отыскал дорогу назад и с тех самых пор был обречен на вечные скитания в этой самой крошечной тьме и стыллой пустоте, пока не настанет Судный день. Конец.

— Молодцы! — похвалила мисс Мэри. А затем прищурилась и даже, как показалось Томми, в какое-то мгновение ему подмигнула. — Вы очень подробно рассказали историю о Джеке-Фонаре. Все ее знают и любят — это неотъемлемая часть Хэллоуина, но... вам не кажется, что в этой легенде есть несколько нестыковок? Что она звучит не слишком... правдиво?

— Что значит «не слишком правдиво»? — тут же попался на ее уловку Томми.

Мисс Мэри улыбнулась. И в этой ее улыбке было больше каверзного задора, чем привычной мягкости.

— Ну, к примеру, откуда у пропившего все, кроме разве что души, пьяницы, в кармане оказался серебряный крестик? Ладно бы он носил его на шее, боясь прогневить Всевышнего, но раз уже положил в карман — значит, решил продать, а если было что продавать, то зачем тогда закладывать душу? Или хотя бы взять другую часть этой истории, с возвращением Дьявола через десять лет и последним желанием Джека поесть яблок — с какой стати Дьяволу нужно было выполнять его прихоти?

— Мисс Мэри, но это всего лишь легенда, — возразил Томми. — Никто же не говорит, что Джек был на самом деле.

— А почему это Джек вдруг менее настоящий, чем, например, вы, мистер Кэндл? — в упор посмотрела на него учительница.

Томми пожал плечами, не зная, что на это ответить.

— Что ж, я ведь обещала вам свою версию этой истории, так? — сказала мисс Мэри и подняла свои извечно путешественные очки на переносицу. — Итак, дети, всем известного Джека в действительности звали Джек Мэйби, жил он вовсе не в Ирландии, а здесь, в нашем городе, лет сто тому назад, и все это было на самом деле...

...История эта произошла в канун большого и светлого праздника — Дня Всех Святых.

Джек Мэйби жил на окраине города и слыл человеком пропащим: у него не было друзей, а брошенные жена и дети давно уже плевались при одном упоминании его имени.

Он о них, впрочем, и не думал, и большую часть времени пропадал в местном пабе.

Вот и в тот вечер Джек отправился в паб, ведь у него в кармане лежало целых шесть пенсов — именно столько тогда стоила кружка крепкого эля. Эти шесть пенсов были последним богатством Джека — всем, что осталось от заложенного у менялы серебряного крестика, который подарила ему бабушка.

«Отдашь его — все равно что душу заложишь», — говорила Джеку бабушка, но старушка давно уже была в могиле и не могла остановить беспутного внука.

Вырученные за крестик две кроны исчезли меньше чем за неделю, и остался лишь тот самый шестипенсовик.

Шагая по улице в сторону паба, Джек в предвкушении вытащил из кармана монетку и принялся вертеть ее в руках.

— Пока ты у меня есть, все не так уж и плохо, — усмехнулся он и с нежностью погладил дрожащими пальцами ребристую поверхность монетки, продолжая шептать себе под нос: — Дьявол меня заберет, как же ты прекрасна...

И тут словно тот самый Дьявол ткнул Джека в руку — шестипенсовик выскользнул из пальцев и покатился по уходящей вниз мостовой.

Джек бросился следом, но странное дело: монетка, будто отравив ноги, бодро улепetyвала от своего преследователя прочь. Она со звоном прыгала по камням брусчатки, а Джек, ругаясь на всю улицу, бежал за ней.

Он не заметил, как кругом вдруг стало темно, исчезли фонари и город преобразился. По сторонам улицы выросли древние дома с черными крышами, и впереди показался мост, которого в городе, где жил Джек, никогда не было.

Шестипенсовик закатился на мост и, будто ожидая Джека, принялся прыгать на месте: прыг-скок, прыг-скок.

Джек подбежал и схватил монетку.

— Думала, уйдешь от меня?! — со смехом воскликнул он и разжал кулак.

В ладони ничего не было.

— Да будь я проклят!

И тут Джек услышал звон. Повернув голову, он увидел, как в конце моста, словно насмехаясь над ним, прыгает его монетка! Он ринулся к ней, а шестипенсовик будто только того и ждал — поскакал прочь.

Улица на другой стороне моста была еще темнее и древнее, почти в упор друг к другу подступали кованые ограды, поросшие черным шевелящимся плющом, но Джек, как и прежде, ничего не замечал. Всем его вниманием завладела проказливая монетка, которой вдруг вздумалось оставить его с носом.

Вскоре погоня завершилась. Джек успел увидеть, как шестипенсовик, сверкнув в темноте, в очередной раз подпрыгнул и вдруг отскочил в сторону, скрывшись под воротами какого-то дома. Джек выругался и задумался. Оставлять шестипенсовик неизвестно кому означало окончательно протрезветь, а подобная перспектива пугала его куда больше, чем вторжение в чьи-то владения.

Кряхтя и чертыхаясь, он полез через ограду и вскоре ему наконец удалось перебраться на ту сторону. Во дворе никого

не было: ни грозного хозяина с ружьем, ни злощих собак. Но Джек и не думал радоваться — он лишь презрительно усмехнулся беззубым ртом и поскорей опустил на корточки. Где-то здесь, в луже недалеко от ворот, должно было лежать его потерянное сокровище. Нужно только найти его и отправиться в паб, где уже ждет — Джек даже сглотнул — миленькая кружка, полная пенящегося темного эля...

Он все ползал в грязи, пытаясь нашарить монетку, но шестипенсовик как сквозь землю провалился.

— А ведь и впрямь провалился, — вдруг раздалось за спиной.

Джек резко обернулся. Сказать, что он был зол, значило ничего не сказать. Он прямо-таки вспылал ненавистью к тому, кто не просто посмел прочесть его мысли (или Джек по неосторожности бормотал себе под нос?), но еще и имел наглость смеяться над приключившейся с ним напастью.

В нескольких шагах от Джека стоял высокий незнакомец в длинном темно-зеленом плаще и зеленой шляпе, лицо его было совершенно неразлично, если не считать широкую треугольную улыбку.

— Мистер, — нагло процедил Джек, будто позабыв, что это он тут незваный гость, — кто бы вы ни были, лучше бы вам убраться отсюда подобру-поздорову, иначе...

— Иначе что? — осведомился незнакомец, и от его слов вдруг повеяло подлинным могильным холодом.

Джек перепугался не на шутку.

— Э-э-э... Что вам нужно, мистер?

Сердце пьяницы дрогнуло. Даже затмившая все остальное вожаделенная кружка эля вдруг как-то померкла в его сознании и опустела на треть. При этом в горло так и не попало ни капли!

— Что нужно? Да так, самую малость, — расхохотался незнакомец — в его смехе Джеку почудилось воронье карканье. — Каких-то шесть пенсов.

— Что, тоже на пинту не хватает? — ухмыльнулся Джек, неожиданно позабыв про страх, — злость и жадность возобладали над ним. Теперь ему все стало ясно! Должно быть, этот незнакомец увидел, как он, Джек, умудрился потерять монетку, и теперь смеет претендовать на его кровное имущество! Не на того напал!

— Попробуй-ка забери! — зло вскинулся пьяница. Воображаемая кружка эля в его сознании вдруг опустела уже на две трети и грозила вот-вот исчезнуть полностью.

— Забрать-то нетрудно. — Незнакомец вытащил из кармана сверкающую монетку и картинно повертел ее в руке.

Джек готов был взвыть от ярости — этот пройдоха успел подсуетиться раньше него и уже отыскал денежку! Вот почему он, Джек, не нашел ее в луже!

— Но ты сам должен отдать мне шесть пенсов, — как ни в чем не бывало продолжил обладатель зеленой шляпы, как будто это не у него в руках была монетка. — Отдать мне... добровольно. С чистой... *душой*...

— Отдать?! Отдать шесть пенсов?

Джек уставился на незнакомца, выпучив глаза. О его способности здраво мыслить разговора уже не шло. Он мог думать лишь о совершенно пустой, до дна выпитой кем-то (но точно не им!) заветной кружке, которая маячила в его воображении.

— Конечно, — сказал незнакомец. — Но не просто так. Ты мне шесть пенсов, а я тебе...

И тут Джек с удивлением обнаружил у себя в руках ту самую кружку, о которой мечтал весь вечер. Даже не подумав удивиться, он торопливо кивнул, соглашаясь, и тут же поднес ее к губам.

Эль был крепким и душистым. Это был лучший эль, который Джек пробовал в своей жизни! Он все пил и пил, а кружка и не думала пустеть. Его желудок вскоре наполнился, и эль плескался уже где-то в горле, но Джек не останавливался...

В конце концов он допился до того, что разум его окончательно угас, но Джек все равно продолжал пить, захлебываясь и проливая эль на себя.

А незнакомец в зеленом хохотал, глядя, как черная пенящаяся жидкость начинает выливаться из ушей несчастного Джека вместе с кровью. Волосы пьяницы опали, а кожа облезла прямо на глазах.

Когда от головы Джека остался лишь один голый череп, незнакомец подошел и стукнул его по лбу монеткой. В тот же миг череп превратился в кованый железный фонарь, и внутри вспыхнул крошечный подрагивающий огонек...

Незнакомец исчез. Город вновь преобразился и стал собой. Джек стоял посреди улицы. Повсюду горел свет, залаяла собака, мимо прошла группка детей в поисках конфет.

— Сладость или гадость! — раздался голос, и Джек в ужасе бросился бежать, подгоняемый детским смехом, в котором ему отчетливо слышался вороний хохот незнакомца в зеленом...

С тех самых пор Джека, с фонарем вместо головы, не раз видели в городе, понуро бредущим по улице. Обычно это случалось в канун Дня Всех Святых.

Говорят, что несчастный Джек до сих пор ищет свой шестипенсовик, но на самом-то деле ему нужна не сама заколдованная монетка, а его душа, заключенная в ней. Если вы вдруг отыщите ее — верните глупому Джеку, иначе ему никогда не обрести покой...

...Едва мисс Мэри завершила рассказ, как ударил колокол, знаменующий окончание занятий.

Ученики — просто небывалое дело! — остались сидеть на своих местах.

Дети были подавлены и угрюмы. Праздничная история, которую все так ждали, оказалась вовсе не забавной сказкой про хитроумного ловкого пройдоху. Невзирая на различные

странности и даже колдовство, она больше напоминала... жизнь. Неприятную, отвратительную жизнь без надежды. В истории мисс Мэри было слишком много мерзких подробностей о Джеке, его грязных мыслей и слов... он не казался «старым добрым Джеком, дважды облапошившим самого Дьявола», он выглядел тем, кто получил по заслугам: ужасное наказание — для гадкого человека...

— Кто-то хочет получить последнюю отметку перед каникулами? — спросила учительница. — Кто назовет мне главное отличие истории, которую все вы знаете с детства, от той, что я вам рассказала сейчас? — Не видя энтузиазма на унылых лицах, мисс Мэри попыталась раззадорить хотя бы кого-нибудь. — Мистер Тэммин? — Не вылезая из-за парты, мальчик принялся аккуратно складывать учебники в портфельчик. Он даже не подумал откликаться. — Мистер Кэндл?

Томми, в свою очередь, одним махом сгреб в портфель все, что было у него на парте. Учебники, тетради и пишущие принадлежности внутри перемешались, и теперь он с невероятным трудом защелкивал замки.

— Не Джек обманул Дьявола, — сказал Томми. — А Дьявол — Джека.

— Дьявол? Гм... — мисс Мэри покачала головой, и мальчик уж было решил, что ошибся, но учительница неожиданно сказала: — Вы правы, мистер Кэндл: основное отличие этих двух историй в том, кто кого водит за нос. Людям часто хочется думать, что они очень умные и ловкие, хитрые и находчивые, что они могут обмануть саму смерть, Дьявола — да кого угодно, но правда в том, что они обманывают лишь себя. Урок окончен. Встретимся с вами после каникул. Мое почтение вашим родителям!

Ученики потянулись к выходу, ворча и толкаясь.

Мисс Мэри встала из-за стола и подошла к книжному шкафу.

— Мистер Кэндл, задержитесь на минутку!

Томми услышал это, уже стоя одной ногой за порогом.

— Да, мисс Мэри? — он обернулся.

Учительница что-то искала на полках.

— Я хотела бы поговорить с вами о вашем друге.

«Ну вот, — с досадой подумал Томми. — Началось. Что бы такое придумать, чтобы она...»

— О, мистер Кэндл, не нужно беспокоиться. Подойдите. Томми послушался.

Мисс Мэри вернулась к столу. В руках она держала ветхую книгу в пурпурной обложке, в центре которой красовалось тиснение: цветок чертополоха. Под ним было витиевато выведено: «*История основания королевства Шотландского. Правда-Полуправда-Вымысел*».

— Мистер Уиллинг не будет наказан, — сказала учительница. — Неужели вы думаете, что я силой могу заставить кого-то присутствовать на своих занятиях?

Томми удивился, ведь все остальные учителя делали именно это.

Мисс Мэри продолжила:

— Я не настолько жестока. И не настолько глупа, чтобы не заметить постоянное отсутствие одного из своих учеников. Ничего не говорите. Я прекрасно знаю о причинах, по которым мистер Уиллинг предпочитает избегать мои уроки и меня лично. Мы, как вы, должно быть, знаете, с ним одной крови, если можно так выразиться. А еще мы с его матерью немного повздорили — у нас не слишком теплые отношения. Она не хотела, чтобы я преподавала в этой школе.

«Значит, Чарли сказал правду, — подумал Томми. — Мисс Мэри и правда его двоюродная тетка. Дело вовсе не в том, что он в нее влюбился».

Мисс Мэри продолжила:

— Не нужно так смотреть, мистер Кэндл. Я всего лишь прошу вас передать вашему другу эту книгу. Скажите ему,

что он обязан прочитать ее полностью, от корки до корки. Если он осилит ее за каникулы, я поставлю ему отметку за триместр. Если нет (а я узнаю, читал он или нет, уж поверьте), то отметки ему не видать. И еще кое-что, мистер Кэндл, скажите ему: пусть не сбегает, стоит ему только услышать мои шаги на главной школьной лестнице или мой голос. Я его не съем — не люблю блюда из детей, знаете ли. Если я права, то скоро, очень скоро вся нужда прятаться от меня у него отпадет сама собой. — Это было сказано угрюмо и мрачно. Как угроза. — Вы свободны, мистер Кэндл. Счастливых праздников!

Томми кивнул, взял учебник и развернулся было, чтобы поскорее покинуть кабинет мисс Мэри, но тут учительница вдруг положила руку ему на плечо. Ее тонкая изящная ладошка весила, казалось, целую тонну.

— Я хочу кое о чем предупредить вас, мистер Кэндл. Я запрещала себе вмешиваться, но...

Она развернула его лицом к себе. Глаза мисс Мэри были пусты, с них будто ластиком стер кто-то все эмоции.

— Опасайтесь человека в зеленом костюме и зеленой шляпе, — сказала она. — Вы не должны доверять ему.

— Ч-что вы говорите, м-мисс Мэри? — Томми от удивления и страха даже начал заикаться.

— Бойтесь Человека в зеленом, мистер Кэндл. Я знаю, он уже в городе.

Мисс Мэри убрала руку, подняла за хвостик тыквенную шляпку со стоявшей у нее на столе тыквы и задула свечу.